

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Рухмакова Матвея Игоревича на тему «Восприятие блаженного Августина в истории русской религиозно-философской мысли второй половины XIX – первой половины XX вв.», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии

Диссертация Рухмакова М.И. посвящена важной теме богословского и философского “восприятия” наследия Аврелия Августина в русской мысли. Актуальность темы сомнения не вызывает, хотя о некоторых проблемах очень популярных сейчас исследований рецепции нам еще придется говорить. Диссертация представляет собой хорошо продуманное, целостное исследование сложного и неоднозначного процесса вхождения мысли Августина в пространство русской интеллектуальной культуры, начиная со времен Киевской Руси вплоть до философов и профессоров Духовных Академий предреволюционного времени.

Автор очень хорошо знаком с огромным количеством монографий, статей, словарей, посвященных его теме или тем или иным ее аспектам. Активно используя большое количество источников и уже имеющийся как у нас, так и в западной литературе опыт их осмысления, Рухмаков М.И. создает объемную панораму эволюции рецепции Августина в России. Стоит отметить, что диссертант не только перечисляет большое количество богословов, ученых, философов, которые так или иначе соприкасались с наследием Августина, но каждый раз изображает достаточно полный социо-культурный, интеллектуальный и институциональный контексты, в рамках которых русское общество знакомилось с учением Августина.

Обращаясь к структуре работы, кандидатская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка библиографии.

Во введении Рухмаков М.И. дает достаточно подробный обзор написанной по теме научной литературы и вполне четко формулирует объект, предмет, цели и задачи своего исследования, а также выносимые на защиту положения.

Первая глава скорее выступает в качестве вводной и посвящена истории присутствия и рецепции блаженного Августина в русской мысли вплоть до середины XIX в., истории возникновения первых переводов его трудов на русский язык, а также в целом различным контекстам восприятия наследия Августина в восточно-христианской традиции.

Во второй главе рассматривается восприятие Августина в сочинениях отечественных светских авторов – историков, юристов, философов, поэтов и литераторов второй половины XIX – первой половины XX вв., где центральное внимание уделено августиновской проблематике в университетском курсе Бориса Николаевича Чичерина и магистерской диссертации Евгения Николаевича Трубецкого.

Третья глава посвящена изучению наследия блаженного Августина в отечественной духовно-академической традиции второй половины XIX – начала XX вв., главным образом на примере рассмотрения патрологических исследований профессора Московской духовной академии Ивана Васильевича Попова и его докторской диссертации.

В заключении делаются некоторые содержательные выводы на основе проделанной работы.

Таким образом, в диссертации перед нами проходит история русской философии, богословия, духовной литературы и общественной мысли, описанная *sub specie* знакомства и усвоения учения бл. Августина. Центральной частью работы является описание и анализ трех больших исследований, посвященных разным моментам деятельности и учения Августина: Б.М. Чичерина, Е.Н. Трубецкого и И.В. Попова. Их анализу посвящены вторая и третья главы диссертации М.И. Рухмакова. Стоит особо подчеркнуть, что во всех случаях диссертант не просто пересказывает их

работы, но старается выявить источники, корни их интереса к Августину. Особенно хорошо ему это удалось в случае с работами Евгения Николаевича Трубецкого, где, как показывает Рухмаков, основной мотив, двигавший Трубецким, заключался в полемическом осмыслении теократической концепции В.С. Соловьева, его филокатолицизма и проблемы возможности объединения церквей. У Е.Н. Трубецкого, как показывает диссертант, Августин превращается в своего рода символ западной теократии, в фигуру, обусловившую и заранее предопределившую исторический вектор развития западной церкви, а тем самым и западного общества в целом.

Раздел, посвященный Е.Н. Трубецкому, я считаю наиболее сильным и содержательным в тексте диссертации. Гораздо слабее, с моей точки зрения, последняя часть диссертации, посвященная первому тому известного исследования И.В. Попова, второй том которого, к несчастью, не был опубликован. Хотя и здесь диссертант замечательно изображает исторические обстоятельства появления этой работы, изображает личность Ивана Владимировича и перипетии его исследовательского и преподавательского пути в МДА, но в содержательной части ограничивается самым общим пересказом книги Попова, особенно куцым в самой интересной части исследования — при анализе Поповым гносеологических и онтологических теорий Августина. Видно, как диссертант не хочет идти в эту сложную область, тогда как о социальных и историософских идеях Августина в связи с концепциями Чичерина и Трубецкого он рассуждал гораздо более подробно. Именно в этой части Рухмаков обходится без историко-философского контекста, не показывает, почему в 1916 году идеи Августина, связанные с гносеологией и онтологией, могли оказаться актуальными как в отечественном, так и в более широком европейском контексте тогдашнего положения дел в онтологии и гносеологии (неокантианство, феноменология, критика натуралистической установки, проблема психологизма и т.д.) Не показано и отношение Попова к современным ему зарубежным работам, посвященным этим вопросам, а тем самым не установлена степень

оригинальности и основательности анализа И.В. Попова проблем гносеологии и онтологии Августина. Одним словом, изложение и анализ самой важной части исследования Попова у диссертанта не выходит за рамки простого — причем самого общего — пересказа.

Диссертация М.И. Рухмакова посвящена рецепции Августина русской мыслью, в этом смысле она относится к очень популярному жанру современной научной литературы, у которого есть масса достоинств. Но исследование рецепции предполагает, прежде всего, ясное понимание у исследователя, что именно рецепируется. Говоря языком А.Ф. Лосева, нужно ясно понять и определить для себя “самое само”, предмет рецепции. Именно здесь у автора диссертации, как и у множества специалистов по интеллектуальной истории влияний, начинаются проблемы. Три раза в своей работе диссертант обращается к латинским текстам Августина и в двух случаях из трех понимает мысль гиппонского епископа совершенно неверно, прямо противоположно тому, что хотел сказать автор.

Так, диссертант пишет: “Помимо суждений о «двойном исхождении», православными писателями не редко критиковалось Августиново понимание благодати, сложившееся в поздних антипелагианских полемических трактатах и доведенное в отдельных текстах до полного отрицания способности человека одной своей свободной волей совершать добрые дела и противостоять греховным соблазнам. Например, в трактате «*De Gratia et libero arbitrio*» (О благодати и свободном решении) Августин пишет, что Благодать Божия всегда блага и благодаря ей человеком с доброй волей становится тот, кому прежде была свойственна воля злая, при помощи этой благодати совершается также и то, что сама добрая воля, которая уже возникла, укрепляется и становится столь великой, что может уже исполнить те Божественные заповеди, которые пожелала” (с. 28-29) со ссылкой на 15, 31 упомянутого сочинения. Однако Августин здесь пишет совершенно другое:

15. 31. Ne autem putetur, nihil ibi facere ipsos homines per liberum arbitrium, ideo in Psalmo dicitur: *Nolite obdurare corda vestra*. Et per ipsum Ezechielem: *Proiicite a vobis omnes impietates vestras, quas impie egistis in me, et facite vobis cor novum et spiritum novum, et facite omnia mandata mea. Utquid moriemini, domus Israel, dicit Dominus? quia nolo mortem morientis, dicit Adonai Dominus, et convertimini et vivetis*. Meminerimus eum dicere: *et convertimini et vivetis*, cui dicitur: *Converte nos, Deus*. Meminerimus eum dicere: *Proiicite a vobis omnes impietates vestras*: cum ipse *iustificet impium*. Meminerimus ipsum dicere: *Facite vobis cor novum et spiritum novum*, qui dicit: *Dabo vobis cor novum, et spiritum novum dabo in vobis*. Quomodo ergo qui dicit: *Facite vobis*, hoc dicit: *Dabo vobis*? Quare iubet, si ipse daturus est? Quare dat, si homo facturus est, nisi quia dat quod iubet, cum adiuvat ut faciat cui iubet? Semper est autem in nobis voluntas libera, sed non semper est bona. Aut enim a iustitia libera est, quando servit peccato, et tunc est mala; aut a peccato libera est, quando servit iustitiae, et tunc est bona. Gratia vero Dei semper est bona, et per hanc fit ut sit homo bonae voluntatis, qui prius fuit voluntatis malae. Per hanc etiam fit ut ipsa bona voluntas, quae iam esse coepit, augeatur, et tam magna fiat, ut possit implere divina mandata quae voluerit, cum valde perfecteque voluerit. Ad hoc enim valet quod scriptum est: *Si volueris, servabis mandata*: ut homo qui voluerit et non potuerit, nondum se plene velle cognoscat, et oret ut habeat tantam voluntatem, quanta sufficit ad implenda mandata. Sic quippe adiuvatur, ut faciat quod iubetur. Tunc enim utile est velle, cum possumus; et tunc utile est posse, cum volumus: nam quid prodest, si quod non possumus volumus, aut quod possumus nolumus?

15. 31. “Но не стоит полагать, что сами люди тут ничего не совершают посредством свободного решения, потому в Псалме говорится: «*Не ожесточайте сердец ваших*». И словами пророка Иезекииля: «*Отвергните от себя все беззакония ваши, которые незаконно совершили против Меня, и сотворите себе сердце новое и дух новый, и исполняйте все заповеди Мои*».

Зачем вам умирать, дом Израилев, говорит Господь? Ибо Я не хочу смерти умирающего, говорит Адонай Господь, и обратитесь — и будете жить» .

Давайте помнить, что *«Обратитесь — и будете жить»* говорит Тот, Кому при этом говорят: *«Обрати нас, Боже»* . Давайте помнить, что Тот говорит *«Отвергните от себя все беззакония ваши»*, Кто Сам оправдывает нечестивого . Давайте помнить, что *«Сотворите себе сердце новое и дух новый»* говорит именно Тот, Кто говорит: *«Дам вам сердце новое, и дух новый дам вам»* .

Как же так, что Тот, Кто говорит: *«Сотворите себе»*, — говорит: *«Дам вам»*? Зачем повелевает, если Сам собирается дать? Зачем даёт, если человек делает лишь в силу того, что Бог дает то, что Он повелевает сделать, раз Бог помогает человеку сделать то, что Он повелевает?

Всегда в нас есть свободная воля, но не всегда она благая. Ибо либо она свободна от праведности, когда служит греху, и тогда она зла; либо свободна от греха, когда служит праведности, и тогда она блага. Благодать же Божия всегда блага, и благодаря ей возникает человек благой воли, который прежде был злой воли. И благодаря ей происходит то, что сама благая воля, которая уже начала быть, возрастает и становится столь великой, что может исполнить божественные заповеди, какие пожелает, когда пожелает вполне и совершенно.

Ибо это значит сказанное в Писании: *«Если захочешь, соблюдёшь заповеди»* — чтобы человек, который захотел, но не смог, ещё не умеет хотеть во всей полноте, и пусть он молится, чтобы у него было столько воли, сколько достаточно для исполнения заповедей. Вот в этом смысле он получает помощь, чтобы сделать то, что ему велено. Ведь хотеть полезно тогда, когда мы можем; и тогда полезно мочь, когда хотим: ибо что пользы, если мы хотим того, чего не можем, или не хотим того, что можем? (перевод мой — Д.Б.)”.

Смысл этой главы вовсе не в полном отрицании свободы воли. Напротив, с самого начала Августин предостерегает от такого рода отрицания.

Перемена от злой воли к благой воле тоже не происходит здесь путем своего рода божественного автоматизма, но ставится в зависимость от полноты волеизъявления желающего творить заповеди: *ut possit implere divina mandata quae voluerit, cum valde perfecteque voluerit*. Греховность человека, его неспособность исполнить божественные заповеди здесь ставится в прямую зависимость от силы и совершенства его акта воли. Неспособность исполнить заповедь возникает в силу недостаточности желания человека, каковую недостаточность он должен сам осознать (*nondum se plene velle cognoscat*) и просить у Бога в молитве, чтобы Он дал ему достаточное количество воли для исполнения заповедей. Диссертанту не стоило бы иллюстрировать свое утверждение текстом, который во всей своей полноте говорит прямо противоположное. И я не уверен, что “отрицание способности человека одной своей свободной волей совершать добрые дела и противостоять греховным соблазнам” является специфической чертой Августина, а не просто христианским ощущением, выраженным в молитве Господней, где просят “не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого”, а не говорят “Господи, любая Твоя помощь излишня, я сам без Тебя справлюсь со всеми искушениями и соблазнами”.

Обращаясь к другому сочинению Августина, диссертант говорит: “В трактате «*Contra duas epistolas Pelagianorum*» (Против двух посланий пелагиан) Августин прямо пишет: «В крещении не устраняются все грехи». Подобный крайне пессимистичный взгляд на судьбу человечества не был близок православному Востоку, где устоявшаяся точка зрения гласила, что Боговоплощение и принесенная Иисусом Христом крестная жертва облегчили тяжесть греха Адама и его последствий” (с. 30). Но вот что в этом сочинении действительно пишет Августин:

13. 26. *Dicunt etiam, inquit, baptisma non dare omnem indulgentiam peccatorum nec auferre crimina, sed radere, ut omnium peccatorum radices in mala carne teneantur. Quis hoc adversus Pelagianos nisi infidelis affirmet? Dicimus ergo*

baptisma dare omnium indulgentiam peccatorum et auferre crimina, non radere, nec *ut omnium peccatorum radices in mala carne teneantur quasi rasorum in capite capillorum, unde crescant iterum, reseccanda peccata*. Nam et istam similitudinem comperi suae illos adhibere calumniae, tamquam hoc nos sentiamus atque dicamus.

13. 26. “Они еще утверждают, — говорит он, — что *«крещение не даёт полного отпущения грехов и не уничтожает преступлений, но сбивает их, так что корни всех грехов удерживаются в злой плоти»*. Кто, кроме неверующего, утверждал бы это против пелагиан?

Итак, мы говорим, что крещение даёт отпущение всех грехов и уничтожает преступления, а не сбивает, и не так, что корни всех грехов удерживаются в злой плоти, подобно сбритым на голове волосам, откуда грехи вновь отрастают, требуя повторного отсечения. Ибо я обнаружил, что они применяют и это сравнение для своей клеветы, будто бы мы так думаем и это утверждаем” (перевод мой — Д.Б.).

Если бы диссертант открыл и внимательно прочел то место, на которое он ссылается, он бы заметил, что Августин опровергает здесь клевету (*calumnia*) против него, клевету, пущенную пелагианским полемистом, с которым как раз он тут спорит. *inquit* — имеется в виду пелагианин, с которым спорит епископ Гиппонский, а *dicunt* — это то, что пелагиане приписывали Августину (“Августин со товарищи утверждают”). Его собственное мнение и позиция выражены совершенно прозрачно: “Итак, **мы говорим, что крещение даёт отпущение всех грехов и уничтожает преступления, а не сбивает, и не так, что корни всех грехов удерживаются в злой плоти, подобно сбритым на голове волосам, откуда грехи вновь отрастают, требуя повторного отсечения**”.

Мораль, которая отсюда следует, довольно проста: прежде чем заниматься рецепцией нужно заняться тем, что рецепируется, овладеть предметом так, как это делали русские дореволюционные писатели, знавшие

латынь и прочитавшие Августина в оригинале. Только тогда появляется реальная возможность не только наслаждаться постмодернистской игрой отражений друг в друге, а увидеть за отражениями то, что отражается, не образы, а Первообраз. Только в этом случае исследование рецепции приобретает полновесность и настоящий научный смысл.

Кроме того, несмотря на то, что в целом диссертация написана грамотно и профессионально, но некоторые “ляпы” в ней все же имеются.

На 35 стр. М.И. Рухмаков пишет: “Однако именование Августина «святым» также периодически встречалось, причем даже у весьма авторитетных русских богословов, но, как правило, чередуясь с «блаженным». В частности, «святым» Августина называют прп. Максим Грек, князь Андрей Курбский, поэт и богослов Симеон Полоцкий, свт. Димитрий Ростовский, митр. Платон (Левшин), историк-медиевист Петр Кудрявцев, философ Александр Герцен, свт. Игнатий (Брянчанинов), свт. Филарет (Гумилевский), свт. Феофан Затворник и некоторые другие отечественные авторы”. Трудно удержаться от улыбки, видя, что в авторитетные русские богословы попал не только князь Курбский, но и Александр Иванович Герцен.

Язык диссертации ясный, живой, как правило, точный, но порой с некоторой склонностью к канцеляризмам и псевдоакадемическому стилю, чего, впрочем, в тексте не очень много. “Восприятие успехов российского августиноведения непосредственно изнутри духовно-академической традиции” (с. 198), “усиление процесса рефлексии Петровской церковной реформы” (с. 195), “ситуация в то время принимает еще большие масштабы” (там же), “Так, большинство отзывов и рецензий носили положительный характер, правоведа хвалили за глубокое погружение в непрофильную область, хорошую работу с источниками, междисциплинарность, а главное, за продуктивную попытку ухватить общие руководящие идеи великого христианского мыслителя и через них в цельном виде передать не только

мировоззрение Августина, но и дать портрет всей его исторической эпохе” (с. 160), “желание московских властей о налаживании дипломатических связей” (с. 40), “со всех сторон гораздо более широкий вопрос о месте блж. Августина в Православной Церкви” (с. 27), “Исследована реакция на монографию современников Е. Н. Трубецкого по светской и богословской линиям” (с. 20), “В интеллектуальном наследии видного представителя латинской патристики, пришедшемся (наследие не может прийти: оно не ходит! — Д.Б.) на переходную эпоху заката античности и становления средневековой парадигмы, нашлось место для таких фундаментальных вопросов теологии, философии, общественных и гуманитарных наук, дошедших вплоть до наших дней, как церковная доктрина” (с. 3).

Также вряд ли стоит переводить название журнала “Echos d’Orient” как “Восточные хроники” (с. 12). Это “отзвуки” или “отголоски” Востока, “эхо Востока”, но не “хроники”.

Встречаются и опечатки. Так, на стр. 64 переводчик Августина называется то Белевым, то Беляевым.

Вместе с тем, указанные выше замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.7.2. История философии (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5, 3.1 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно приложениям № 8, 9 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Рухмаков Матвей Игоревич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 5.7.2. История философии.

Официальный оппонент:

доктор философских наук (б/звания),
профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

БУГАЙ

Дмитрий Владимирович

20.09.2025

Контактные данные:

тел.: +7(495) 939-23-15, e-mail: izf@philos.msu.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
09.00.03 – История философии

Адрес места работы:

119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет),

федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Тел.: +7 (495) 939-19-25; e-mail: info@philos.msu.ru

Подпись Д.В. Бугая удостоверяю:

Ученый секретарь
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
кандидат философских наук
Клюева Н.Ю.

«22» сентября 2025 г.